

СОЦИАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Д.Д. Эйдукене

СОЦИАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ ЛОРЕНЦА ФОН ШТЕЙНА

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса

Стоя у истоков немецкого либерализма, Лоренц фон Штейн (Lorenz von Stein) заметил, что смитианский оптимизм XVIII в., возлагавший такие радужные надежды на социальные последствия экономической свободы, недостаточно оправдал себя. На исторической авансцене, как и прежде, остаются нерешенными экономические и социальные вопросы общества. Рост классовой борьбы и возникновение идеи социализма на деле доказывают, что экономическая свобода, как и свобода частного-хозяйственного предпринимательства, не только не равносильна фактической свободе личности, но может иметь и обратный смысл.

Рассматривая европейскую цивилизацию как результат синтеза, сложившегося в прошлом из элементов идей эпохи Просвещения и материальных благ, Штейн формулирует важнейшую, как ему кажется, методологическую и практическую проблему, которая постоянно возникает перед обществом. Это – соотношение роста общественного производства и роста потребностей его членов. Он полагает, что поскольку сложившиеся в настоящее время потребности всегда опережают рост производства, то последний постоянно рождает все новые и новые потребности [1, с. XXXI]. Чисто теоретическая гипотеза привела ученого к выводу о необходимости практического регулирования этих двух объективных противоречий, которые, в конечном счете, определяют социальную стабильность и культурный уровень членов общества

Ключевую проблему новой эпохи Штейн определяет как «социальный вопрос», стержень которого он видит в проблеме собственности. В этом точки зрения ученого и социалистов совпадают (хотя понятие «собственность» в их трактовке не является тождественным). Расходятся они в другом. Штейна принципиально не устраивает определение сущности социального вопроса, сформулированное социалистами через исторически необходимое стремление пролетариата к имущественному равенству путем исторически необходимой социальной революции.

По мнению Штейна, сущность социального вопроса глубже и шире. Речь идет об общественной эволюции всех членов общества, и сводить ее к проблеме собственности является неправильным. Он воспринимает как абсурд, что *радикальные социалисты* считают предпосылкой свободного развития всех личностей отрицание и уничтожение личной собственности, отдавая предпочтение только общественной. Идею социального равенства ученый считает чуждым человеку труда, который «стремится стать собственником и пробиться в ряды буржуазии» [2, т. 1, с. 9].

По замечанию Штейна, социалисты слишком ограничены рамками «материального», что соответственно не позволяет им выражать сущность социального вопроса. Более того, смысл социальной свободы не должен сводиться лишь к одной собственности. Она включает в себя и необходимость обеспечения каждой человеческой личности свободной непрерывной эволюцией, которая требует доступа к высшим культурным благам цивилизации. Потому «было бы неверным и близоруким» считать рабочий вопрос простым вопросом желудка» [2, т. 2, с. 10]. Это тем более верно, что он останется нерешенным и в том случае, если «будут осуществлены смелые требования теоретиков социализма». «Урчания брюха» могут быть «временно прекращены», и «тупая, бедная мыслями масса будет... сначала удовлетворена, но страстные сердца и мыслящие головы останутся неудовлетворенными [2, т. 2, с. 10–11].

Таким образом, социальный вопрос многолик. Кроме материальной стороны он имеет еще нравственные и этические составляющие. Их довольно проблематично усмотреть, трактуя социальные проблемы с классовых позиций. Ведь они – общечеловеческие и не поддаются классовой «сортировке». На этом основании ученый приходит к выводу, что в действительности существует не один социальный вопрос, а целая запутанная, переплетающаяся сложная сеть социальных вопросов. Это обстоятельство делает проблему гораздо глубже, а решение ее – гораздо сложнее.

Социальная революция, по мнению Штейна, не является тем «мечом», с помощью которого социалисты надеются разрубить «гордиев узел» социальных проблем. Все революции он называет «недействительными», потому что они не решали и не могли решить социального вопроса, ибо «устранение политического гнета и установление политического равенства не имеет ничего общего с решением его» [2, т. 3, с. 99]. Причина тому – захват власти и подчинение государства служению интересам одного класса. Такая ситуация особенно обостряется в условиях современного индустриального общества, когда грубая коммунистическая идея находит более культурное выражение в социалистических системах, провозглашающих и требующих осуществления господства труда над капиталом. Но «по своему внутреннему существу... как коммунизм, так и социализм, являются лишь последовательно изложенными требованиями одного класса индустриального общества». Таким образом, «свобода не будет достигнута, ибо она исключается господством труда над капиталом и наоборот» [1, с. СХІІІ]. Такая ситуация, по замечанию Штейна, противоречит идее самого государства, потому ищет себе нового выражения. Но «господство пролетариата тем ужасно, что он внутренне не подготовлен к такой роли» и «естественным концом социальной революции является установление диктатуры» [2, т. 1, с. ХІІІ].

По мысли Штейна, государство не может служить одному общественному классу. Оно должно найти себе такое выражение, при котором «было бы... поставлено над всеми интересами» и «классы общества не могли овладеть им» [2, т. 2, с. 6, 38]. Но угроза этого постоянно существует. Она объективна, ибо исходит из самой сущности общества, которое базируется на диаметрально противоположном принципе, чем государство. Борьба между государством и обществом неизбежна, так как первое, будучи носителем свободы, принципиально отрицает общественную позицию господствующего класса. Отсюда – неудержимое стремление последнего завладеть государственной властью. Но Штейн в этой борьбе двух противоположностей видит объективную необходимость создания социального государства. Это проявляется в противостоянии государства стремлениям общества по своему образу и подобию сконструировать государство и создать собственный, угодный ему общественный строй. Но, по указанию Штейна, в пространстве интересов общества такой проблемы, как забота о благополучии всех индивидов, нет. Общество устроено совершенно на других принципах, исходным пунктом которых служит разделение имущества, а законом жизни является «по сути своей постоянный и неизменный порядок зависимости тех, кто не вла-

деет, от тех, кто владеет» [2, т. 2, с. 31]. В такой ситуации, если государство пойдет на поводу общества, неминуемо процесс приобретет антидемократическую окраску и получит форму ожесточенной классовой борьбы.

Государство должно оставаться повелителем и наставником общества. Оно должно не поддаваться давлению и заботиться о своем собственном существовании, т. е. создать собственный и угодный ему общественный строй, в котором взяты под контроль спонтанные, необузданные элементы общества, а между общественными классами поддерживается равновесие. Но государство не должно жить только для себя и своей личности. Оно должно заниматься социальными проблемами общества и не быть «ночным сторожем» их интересов. Иначе «государство, как и всякое живое существо, может умереть» [2, т. 2, с. 37]. Таким образом, в трактовке Штейна государство не является бессильной игрушкой в руках общественных классов и владеет не только определенной силой оказывать сопротивление обществу, но и обладает возможностью создания социального строя. Эти возможности «генетически» заложены в идее самого государства, которое является совокупной личностью и потому «степень развития всех индивидов становится мерой развития самого государства». Оно уже по своему существу должно стремиться к развитию... богатству, силе и интеллигентности всех индивидов», в том числе и низших классов, «видя в этом собственную цель» [1, с. ХХХІV]. Именно отсюда, по замечанию Штейна, ведет свое происхождение система социальной демократии «как выражение и сознание высшего внутреннего противоречия идеи свободы и строя промышленного общества» [1, с. ХХХІ]. Специфическим проявлением этого сложного процесса он называет возможность социальной реформы, которая охватывает экономическую и духовную сферу общества. Социальную реформу Штейн считает преобладающим элементом модернизации политического и социально-экономического устройства государства и основным инструментом строительства государственно-социального здания. Он первый в социально-политической науке формулирует данное понятие, считая его ключевым элементом для нормального функционирования, самосохранения и дальнейшего продвижения вперед общества, сумевшего познать закон общественного развития.

Под социальной реформой Штейн подразумевает определенную практику государства в пользу трудящихся с целью улучшения их материального и культурного положения, которая каждый раз имеет конкретное выражение: соответствующую финансовую политику (преобладание прямых налогов с прогрессивным началом), фабричное законода-

тельство (всесторонне предупреждающее эксплуатацию рабочего), содействие развитию касс взаимопомощи, страхование рабочих и пр. Но «краеугольным камнем социальной реформы, согласно ее цели, надо считать следующий пункт: каким образом можно содействовать труду, лишенному капитала, в приобретении последнего» [3, т. 3, с. 213]. По мнению Штейна, для выполнения социальной миссии государства необходима способность к компромиссу сил, составляющих правящую элиту. Больше всего для этого подходит монархическое государство. Ведь король – выразитель государственной идеи, а потому должен посвящать себя подъему угнетенных, предоставляя господствующему классу, как обладающему средствами, самому заботиться о своем развитии. Потребность королевской власти в самостоятельных действиях должна найти себе «истинное и высокое» выражение, если она приступит к подъему «низшего, до сих пор угнетенного в обществе и государстве класса» [1, с. 47]. Отсюда вытекает знаменитое положение Штейна: «истинная, самая могущественная, продолжительная и любимая монархическая власть есть монархия общественной реформы». Но при этом он добавляет, что без выполнения социальной миссии «всякая королевская власть становится или просто тенью, или превращается в деспотию, либо упраздняется республиканским строем, если не имеет высокого нравственного мужества сделаться монархией социальной реформы» [1, с. 48–49].

Штейн своим современникам дает понять, что для немецкой монархии решение социального вопроса является жизненно необходимым, а «мужество» королевской власти сделаться монархией социальной реформы исторически оправдано и предрешиено, «и если желательно избежать повторения в ней французской истории, надо немедленно действовать в духе социальной реформы» [1, с. 49]. Так что определенный конгломерат королевской власти с неимуществами, который проявляется в практике социальной политики государства, объективно необходим как одной, так и другой стороне. Ведь они являются двумя союзниками вынужденного альянса, создающего базу и щит для их дальнейшего совместного сосуществования и прогресса.

«Рецепт» радикальных социалистов Штейн считает неподходящим для данной проблемы. Социальный вопрос не решить одним «махом» револю-

ции раз и навсегда. Он не может быть каким-то конечным результатом. Строительство нового социального здания государства, затрагивающее все стороны его жизни, продолжительный и постоянный, самообновляющийся и созидательный процесс. Он требует участия в нем членов всего общества и самого государства. В этом действии они должны слиться в единый поток общих интересов, видя перед собой общую цель. Рабочим выгодно иметь своим союзником государство. Именно оно сумеет «заставить господствующие классы склониться к осуществлению их надежд», ведь рабочий класс «сам по себе слаб» [2, т. 1, с. СХІІІ].

От социальных реформ Штейн ожидает постоянного прогресса в деле подъема образования и статуса низших слоев населения, достижения более высокого уровня производительности их труда, более высокого уровня потребления, более высоких жизненных возможностей и уменьшения степени радикализации людей труда. Но самый главный эффект политики социальных реформ в том, что в результате выигрывают все – индивид, государство, общество.

Реалистическая точка зрения Л. фон Штейна явилась новостью в немецкой литературе. Она всколыхнула нетронутые умы Германии остро и непредвиденно поставленными социальными проблемами. Очевидно, что научное наследие ученого выходит за пределы конкретного исследования, времени и пространства его эпохи. Влияние Штейна в сфере нас занимающего вопроса было необыкновенно велико. Им разработан теоретический фундамент социальной монархии в таком направлении, что открывались настежь двери в науку для дальнейшего поиска социального реформирования общества. Потому идея социального государства Штейна не канула в Лету с неумолимым ходом истории. Она возродилась в теории и практике доктрины «государственного социализма» с наступлением эпохи «железного канцлера» Отто фон Бисмарка, родоначальника немецкой и европейской социальной политики. Впервые в истории Европы было введено октроированное (даровано монархом Германии народу) всеобщее избирательное право и приняты социальные законы, ставшие примером для других европейских государств. Штейн современен и сегодня. Благодаря ему современное правовое государство уже невозможно представить несоциальным.

Литература

1. Stein. L. Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. Ein Beitrag zur Zeitgeschichte. Leipzig, 1842.
2. Stein L. Geschichte der socialen Bewegungen in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. In 3 Bde. Leipzig, 1850.
3. Verwaltungslehre. In 7 Bde. Leipzig, 1865/68.